

НЕ ВСЕ УМИРАЕТ

"Дивное, дивное время – весна! Рождение нового или повторение старого?" – размышляла Ирис под стук колес. Ирис и Атан ехали в П. За окном мелькали просыпающиеся поля и жавшиеся друг к другу домики селений. Ее сердце вдруг пронзила жалость. Жалость до слез к этим домикам, к людям, живущим в них. И в том, как они прижимались друг к другу, было скрыто то самое, что она наконец-то поняла. "Боже мой, как этот мир напуган! Мой бедный напуганный мир, сколько же тебе нужно любви, чтобы ты расправился и порадовался тому, что ты есть!"

В поезде она всю ночь не спала. "Им так спокойнее», - думала она о проплывающих за окном городах, уютно светившихся среди ночной тьмы. Она гладила их через оконное стекло как напуганных чем-то детей. Ей захотелось спеть колыбельную для всех, и она запела под стук колес свою колыбельную песню. А сама себе удивлялась: "Надо же, раньше я никогда не испытывала к городам такой, словно к живым существам, нежности. Почему-то мне хочется оградить их по-матерински, оттого что их пугает в ночи как детей". Атан тоже не спал. Он долго ворочался, а потом поднялся с постели и сел у окна напротив Ирис.

- Страх лишиться чего-то живет в каждом, - первой заговорила Ирис. – Когда ребенок находится в утробе матери, для него есть только свет и тьма. Он заявляет о себе в мир биением – это жизнь. Звук – жизнь, страх – смерть.

Когда кто-то умирает, с ним уплывает в вечность часть этого мира: он как бы отрывает от берега частичку и уносит куда-то, и возникают пустоты. Когда еще заполнится эта пустота! Когда еще повзрослеет, станет мудрее тот, кто займет на Земле место ушедшего! У нас, людей, свое времяисчисление. Оно зависит от срока нашей жизни... Срок жизни на Земле – это для нас мера вечности. А далее что ждет нас – свет или тьма – не ведаем. Вот почему мы так печалимся о тех, в кого вложили свою любовь. Мы просто не знаем, кто ее примет после ухода любимых. А если бы знали, не тосковали бы по части себя, отправленной в будущее. Если бы знали...

- А что мешает нам знать об этом?

- Мы связаны с этим миром; мы составляем тот кокон, который держит их во власти времени. В любом случае каждый из нас должен знать, куда он потом уйдет – к свету или во тьму. Для этого и дается вера как путеводная нить. Она протянута от самого первого человека к каждому из нас и держит всех на Земле. Но по мере эволюции кокон разматывается и все меньше сковывает мысли и движения человека.

Однажды придет время разорвать эту пуповину-страховку (не от слова ли "страх"?). Она по-прежнему связывает невидимо людей со своими домами, матерями, родными и близкими, когда те, не отрываясь чувствами и мыслями, покидают их. Даже космонавты привязаны этой пуповиной к частице земли – кораблю. Оторваться – самое сложное. И чем прочнее эти связи, тем тяжелее груз на ногах и приземленнее человек. Разорвать нити пуповины, которые питают твою любовь, твою жизнь, сложно: они проходят через твое сердце, они кровоточат.

- Но когда-нибудь люди поймут это?

- Ты забываешь, что они – часть нас. Как ты думаешь, когда ты поймешь это?

- Тогда, когда стану одним целым...

- Вот тогда и произойдет самое главное. Когда у детей обрезают пуповину, остается след, который потом называют пупом. Так вот, мы, дети Земли, мы всегда будем вместе с ней тянуться в неведомое. Вот она, сила притяжения: подобное к подобному...

- И будем вращаться в орбите материнского тепла вместе с планетой, - довольный своей фразой Атан улыбался в темноте.

- Знаешь, я потеряла способность кому-то не доверять. Я доверяю себе и другим, потому что во мне исчез страх. Перекладывая на других свои собственные страхи, мы видим мир только своими глазами. А чтобы окончательно понять, кто мы и откуда, нужно преодолеть этот страх, научиться понимать чувства других. Только тогда жизнь становится понятной, а значит настоящей.

Атан в унисон с Ирис продолжал размышлять вслух:

- Слово "смерть" нужно заново переосмыслить. Наверное, синонимом его может стать слово "страх", страх перед изменениями. Состояние смерти – это равнодушие, безразличие. Небезразличие – это жизнь, реально – это разрушение предыдущего состояния и обновление, зарождение нового. Это путь от тела к душе, от души к новой форме существования.

- Да, ты прав. Победить в себе страх смерти, значит победить программу нежизни, на которую нанизываются все проблемы, все большие и маленькие страхи. Для начала нужно умертвить в себе все недостойное жизни, а значит все, что несовершенно, предать его забвению, не держаться за него, оставить его и переступить порог в будущее, отказавшись... И ты увидишь свое истинное "Я", входящим будущее. Вход в будущее стерегут уродливые страшилища, переполненные злобой и ненавистью к самим себе за свое несовершенство. Они сидят у входа и знают, что им никогда не войти в будущее, там нет для них места. Как и нет всему, что подобно им. Они, монстры – зеркало всех несовершенств, призваны терзать все себе подобное: ложь терзается ложью, страх – страхом.

Атан ответил после нескольких мгновений молчания, будто отмерял под стук колес длину паузы:

- Как все притягивается по подобию! Даже спустя много лет вспоминаешь именно то, что совпало с твоим состоянием. Сколько же всего хранит человеческая память! И как она при этом избирательна! К чему-то мы остаемся равнодушными, а что-то трогает до глубины сердца. Казалось бы, всего лишь одно слово, а какая сила. Назови верно, и ты – победитель.

Атан улыбался, глядя на деревья, которые мелькали за окном поезда, сливаясь в темную узорчатую стену на фоне предрассветного неба. Он любил путешествовать с Ирис вдвоем. Это случалось уже не впервые, но сегодня был особый день – день ее рождения. И в этот день только он, Атан, был рядом с ней, мог разделить ее радости и печали, погрузиться вместе с ней в память веков. Он по-прежнему любил ее беззаветно и безнадежно, так, как когда-то Антоний любил Клеопатру, самую великую из женщин. И потому Атан сделал Ирис королевский подарок: он дарил ей Город с тайнами и неожиданными встречами. Она умела принимать такие подарки, и он знал это и помнил...

В такие минуты она была прекрасна. Как ребенок, с искренним восторгом и в то же время с достоинством, она принимала эти последние подарки судьбы. И он был счастлив,

что именно он мог разделить эту радость, ее упоение жизнью, не отчаянное, нет, а возвышенное и легкое как сам ветер взметнувший ее волосы, когда она стояла на башне. Как крылья развевались они за ее чистым и светлым от счастья жизни лицом. Он любил это выражение ее лица, и ради него мог терпеть все иные и ждать явления Ирис-Эа неземной. Ирис не играла, в эти минуты она жила и дышала полной грудью, она была собой.

Когда-то лестница так же веретеном возносила ее на высоту птичьего полета туда, где ее душе было самое место, а ее любви просторно и легко. Ирис давно нашла свое место в жизни – это высота, и сейчас оно буквально материализовалось. Преодолевая ступеньку за ступенькой, поворот за поворотом по винтовой лестнице колокольни, она знала, что наверху ее обязательно ждет чудо. И чем выше и труднее, тем ближе оно. И вот она поднялась на высоту птичьего полета, вот он, великий город, раскинулся у ее ног. Ей хотелось развести руки и обнять с любовью и благодарностью этот город воплощенной человеческой мечты. Она была счастлива. Никто еще до сих пор не дарил ей в день рождения целый город. А он это сделал. Он сказал ей, что она этого достойна, и это было главным. Антоний оставался верным Клеопатре.